

Надежда Чернова

БЕЛЫЕ ГУСИ

* * *

Игорю Бек-Софиеву

Не глядел никто нежнее и смешнее на меня
 В той стране моей, где звери не пугаются огня,
 Где по небу ходит кошка так же просто, как в избе, –
 Обернётся,
 Улыбнётся
 И понравится тебе.

Мир нелеп. Я изначально это знала, но теперь,
 Загасив огарок сальный, он в мою ворвался дверь,
 Он протиснулся, ломая, изменяя всё вокруг,
 Он с тобой пришёл, я знаю,
 Он с твоих кормился рук.

Всюду музыка звучала – даже в громе дальних гроз.
 Я всё косы расплетала, проливала ливни кос.
 Ох, и весело нам стало!
 Не дожить бы до слёз...

1994

ТОСКУЮ ПО ТЕБЕ...

Тоскую по тебе... Так на чужбине
 Тоскует горец, призывая смерть.
 Ему не в радость и весна в долине,
 И с облаками мчащаяся твердь.
 И если он глядит на даль морскую,
 На тёмный берег – видит вдалеке
 Одни лишь горы.
 Так и я тоскую

По каждой жилке на твоём виске.
 Одним тобой полно с краями лето,
 Твоё дыхание в знойных днях ловлю.
 Забыт язык. Я помню только это:
 Люблю тебя! Люблю тебя! Люблю...

1998

БУДЕТ ВЕТЕР!

Борз – волк.

Догорало последнее лето,
 Всё пропахшее дымной войной.
 Но я знала:
 любовь моя – это
 Борз под белой вайнахской луной.

Высоки, словно горы, папахи
 Над холодной пустыней лица.
 «Будет ветер! – пророчат вайнахи, –
 Будет яростный ветер конца!

Он ворвётся – и станет непрочен,
 Станет легче пылинки гранит,
 Только борз, – так вайнахи пророчат, –
 В ураганном огне устоит.

Оглушённый,
 Со сдёрнутой кожей,
 Встанет он над последним из дней...»

Всё кончается в мире, быть может,
 Но любовь моя будет сильней!

2005

* * *

Белой птицей летала – и на лету
 Сбила меня беда.
 Я увидела в небе Полынь-Звезду,
 И вела она в никуда.

В пустоте ледяной о конце поют,
 Но конца, в самом деле, нет,
 И любые нети куда-то ведут,
 И где тьма – непременно свет.

2006

СНЫ О ЖИТИИ

Что на небе, в облаках заката,
Где Вселенной светятся глаза?
Так ли пахнет утренником мята
И рогожкой свежей – рогоза?
Так ли рыба разрывает сети?
Так ли соль от моря на губах?
Так ли всё,
Как снится на том свете
В коммунальных комнатах-гробах?

К нам шмели слетали, птицы пели,
И гремели горных рек бои,
Но не жили мы на самом деле,
А смотрели сны о житии.

На том свете радости иные:
Мы, как черви, бились за еду,
Мы, грызясь, как корни земляные,
За бедою шли через беду.
В тесноте мы жили да в обиде,
Крест подгнивший на себе несли,
Ничего не слыша и не видя
Под ненастным куполом земли.

А на небе, в облаках пернатых,
Белый конь на воле одичал,
Сад церковный в яблоках неснятых
Лунами светился по ночам.

Так ли в небе вёсны белопенны,
А зимой – салазки у крыльца?
И неужто наконец блаженны
День и ночь скорбящие сердца?

2008

* * *

Ушло. Отболело. Остыло.
Года как столетья прошли.
Написаны были земли.
Что будет – не раз уже было,
Но память о том позабыла,
И набело пишет опять,
Да мы разучились читать...

2014

ДРАМА

Мы репетировали драму,
Хоть не дописан был финал,
Но шут шутил, и плут плутал,
И люд искал дорогу к храму.

Чума носилась над страной
Бесовским вихрем – круг за кругом,
И умирали друг за другом
Мои соседи за стеной.

А за ещё одной стеной
Нет никого, лишь паутину
Плетёт паук, всегда немой,
Да тихо плачет Домовой,
Забившись в угол, за картину.

Была семья – и нет семьи,
Лишь фотографии тускнеют.
Родня большая – все свои.
Вот мать и ангелочки с нею.

А вот отец. Ещё не стар.
Он брал афганский Кандагар.
А вот весною, в сорок пятом,
Дед у Рейхстага – с автоматом.
Он был герой! Потом – Гулаг.
Там полстраны. Этап позорный.
Цвёл, не сгорая, красный флаг,
Но в чёрно-белом виде – чёрный.
Парад вождей. Повсюду враг!

А за другой стеной – кирпичной,
Щербатой, серой, неприличной,
Её белить хозяйке лень,
Концерт я слышала скрипичный –
Играли Моцарта весь день!

Любитель хмеля и повеса,
Беспечной жизнью Моцарт жил,
Но всё же, всё же сочинил
Печальный «Реквием»,
И месса
Вливалась в хор небесных сил,
А Моцарт в этот миг ловил
Ритмичный воздух лёгких крыл –

Летала бабочка над лесом,
Над речкой, где цветёт ветла,
Над лугом в бешеном цветенье.
Век этой бабочки – мгновенье,
Но как летунья весела!

2019

ПТИЧЬИ СТАНИЦЫ

Белые птицы над степью весенней.
Белые гуси – минувшего тени.
Белые кони – их солнце слепит –
Клином гусиным летят по степи.

Белые гуси. Тревожные кличи.
С крестиком алым косынки сестричек.
Белые гуси. Война за войной.
Пыль от казачьих копыт над страной.

Белые гуси. Пожар. Ветровей.
Красные крылья у белых гусей.
Гуси на крыльях пылающих дня
Вынесли душу мою из огня.
Птичьи станицы. Призывы гусят.
Белые гуси летят и летят...

2020

ПИР НА БЕРЕГУ ИРТЫША

Течёт Иртыш меж тесных берегов,
И всё полнее русло век от века.
В траве скопилось молодое млеко –
И от дождей, и от сухих деньков.
Его, резвясь, вдали от человека
Пьют скакуны, не знавшие подков.

Здесь, на равнине, около реки,
Со степняками дрались казаки.
Пожгли все юрты, женщин полонили –
За то, что степняки-барымтачи
Коней казацких выкрали в ночи
И сторожей станичных перебили.

Пятнистой кошкой спрятавшись в камыш,
Всё видел притаившийся Иртыш,
И в половодье потопил станицы –
Таким урок был от небесных сил.
Степняк шумел. Лихой казак бузил.
Но тут на ум пришло им помириться.

Горят повсюду жаркие костры.
 Как великаны животы, котлы,
 А в них и мясо, и курдюк тяжёлый.
 Травой жирной откормили доли
 Стада овечьи возле Уялы.
 Пеклись лепёшки в пламени золы.
 Играл, шипел живой кумыс весёлый –
 Детёныш солнца и степной земли.

И вот на блюдах белых понесли
 Дымящееся мясо. Пир венчала
 Баранья голова!
 Домбра брэнчала.
 Три дня над степью эхо не смолкало
 От песен, хоть и пряталось вдали,
 Хоть захмелело и вконец устало.

А там – и скачки конские, а там
 Восторг души несётся по пятам:
 И казаки, и смуглые батыры
 Братаются – они уже тамыры!
 Друг другу дарят лучших скакунов,
 Высокопарных не жалеют слов –
 Вчерашние вояки и задиры.

2020

* * *

Опять война. Раздор. Разгром.
 Несчастья – справа, гибель – слева.
 Ревущий ветер выдрал древо,
 Но корни удержали дом.
 Рубеж последний и оплот:
 Отец и мать. Семейство. Род.

2021

РОДОВОЕ ГНЕЗДО (маленькая поэма)

Андрею и Домне Бутаковым

1. Дом

Я помню дом, в котором не жила.
 Под окнами и мальвы, и ветла,
 И выступы камней от гор Баяна.
 Станица казаков. Казачий быт.
 Звезда кочевья надо мной горит.

Встаёт ковыль – серебряно-багряный.
Встаёт ковыль у самого крыльца.
И, как косу, хозяин месяц правит.
Со мною, изначала до конца,
Прабабка Домна и Андрей, мой прадед.

Они живут в Баяне, у отца.
В поход готовый конь у коновязи.
Высокий дом, бревенчатый, в две связи,
И крепкий, как казачья крепостца.
Здесь родовое, старое гнездо.

Прокатится по дому долгий вздох –
Приснятся дому дальние походы.
Не все, не все вернулись сыновья...
Стареет дом. Состарилась семья.
На озере в морщинах тёмных воды.

Я помню всё, как будто бы жила
Там, где весной черёмуха цвела,
Где прадед мой, лицом благообразен,
Велел мне книгу древнюю читать –
И в стародавнем сказано наказе:
Жить там, где дом. Чтить и отца, и мать,
И душу в чистоте всегда держать,
Не поддаваясь дьявольской заразе.

Я помню всё – мне крови сберегли
И запахи, и краски той земли,
Где предки наши горе горевали,
И где они от счастья угорали,
И где их кони верные прошли.

Шумит вода. Блестит песочек донный.
Спускается к воде по скалам лес.
Казак Андрей и с ним казачка Домна
Здесь вековали – след их не исчез...

2. Мерлушка

Как высокий тополь, прадед,
Посреди песков и трав.
Он с любым легко поладит –
У него весёлый нрав!

Вместе с ним скворец хохочет
И кукушка вдалеке.

Знает бор лесной обходчик,
Как пять пальцев на руке.

Никому не будет спуска,
Если ты злодей и вор –
След возьмёт на тропке узкой
И в бору, и среди гор.

Что с ним спорить, право слово?
Лучше бросить топоры.
Чтут Андрейку Бутакова
И не трогают боры.

Хоть уже не строевой,
Но когда-то был герой,
И теперь конём он правит
Так, как будто завтра в бой.

Если праздник – он буянит,
Сыплет шутки из горстей.
Любит, как и все в Баяне,
И застолья, и гостей.

Сам бывает у тамыра.
Пьёт кумыс, и до утра
Для него поёт домбра,
И в глазах Андрейки сыро.
Он с аулом жить привык.
Знает он его язык.

*Имя сестрёнкино – Мёд-Кадиша.
Веточка тонкая – Тал-Кадиша.
Сорок подруг позовут ещё сорок:
Видно, что лучшая тут – Кадиша!*

*Будь же высокою, как Жиланды,
Пояса шёлковой, ярче звезды.
Бал-Кадиша – нет подобных на свете.
Свидимся – миг быстротечней воды...*

Славны старых песен были –
Слушал бы хоть двести лет!
У Андрейки тоже были
Сёстры-веточки – и нет:
Мор и глад народ косили,
Да война, да злой сосед...

* * *

Долго друга из аула
Он заманивал к себе,
Но того любовь тянула
К разукрашенной избе.

Там ждала его девица,
Млела облаком в окне.
Он хотел на ней жениться –
И женился по весне.

Нарядил любовь-душку –
Отвести не может глаз!
Если бы ещё мерлушку
На салоп – то в самый раз!

Над капризною индюшкой
Всё подшучивал Андрюшка:
*«Ишь ты, барыня в салопе,
Подпоясана по жопе!»*
Только друг-то горевал
И мерлушку ей искал.

И сказал Андрей лукаво:
– Это горе – не беда!
Будет крале твоей справа –
До меня скорей айда!
– Разве правда есть мерлушка?
– Есть! На весь Баян одна!
Кучерявая, как стружка,
Как озёрная волна!

Горячит Андрей лошадку.
Друг лошадку горячит.
По мосткам несутся шатким –
Бутаковский двор открыт!

–Эй! – кричит Андрейка Домне, –
Собирай скорей на стол!
Нынче праздник – гостень в доме!

Гостень в доме – стол-престол:
И лапша, и рыбник знатный,
И полно груздей лесных,
Гром весенний, перекаточный –
Пиво в кружках расписных.

Много присказок о пиве
На устах у казака.
Его слово – на крапиве,
Жжёт, срываясь с языка:

*Было б пиво на погосте –
И у пива будут гости,
Грызть зальют наверхьяка!
Я б сказал ещё словцо,
Ды уж выпито пивцо!*

Так Андрейка веселился,
Да и друга веселил.
Выше горла он налил,
Но ни капли не пролил.

Гостя потчует Андрейка –
Кружки налиты по край.
В пляс пойдёт вот-вот скамейка –
Отпустите душу в рай!

Хоть полна у гостя кружка,
Он одно твердит в ответ:
– Где же, где твоя мерлушка?
Покажи! Терпенья нет!
– Показать? Гляди – не жалко!
Эй, хозяйка, выходи! –
В узорочье полушалка,
В бусах красных на груди,
Она вышла, подбоченясь –
В пёстрых юбках расписных.

Пиво в кружках, шумно пенясь,
Вмиг ударило под дых!

Обещанье своё помня,
Говорит Андрейка Домне:
– Задери-ка, мать, подол,
Покажи свою мерлушку –
За мерлушкой друг пришёл!

Загорелась Домна сразу –
Оховачила заразу
Полотенцем:
– Вот варнак!
Вот охальник, чёртом мазан,
Не набрешешься никак?

Ну, мели, мели, Емеля!
Я гляжу, твоя неделя,
Помело, а не язык,
В каждой дырке чеколдык!

Несмотря на брань и крик,
Не моргнув в ответ и глазом,
Притащил Андрейка с база
Шкурку лисью – ну, старик!

Вся огнистая, густая,
Шкурка лисья, золотая –
На любой каприз и бзик!
Он лису добыл зимою
Под Баянскою горою –
Не промазал дробовик!
В глаз попал Андрейка зверю.
Так же белку и тетерю
Поразить умел он вмиг.

И сказал дружку сердечно:
– Уж такой – шучу я вечно,
Знать, родился для потех,
Ты прости мой смех – мой грех!
Но теперь я не дурю –
Я лису тебе дарю!
Она лучше, чем мерлушка.
Хоть кипит моя старушка,
Ды остынет к январю!
Мой поклон, что стал мне гостем,
Пиво пил, в еде не постил –
Ты мне люб среди людей!
Наряжай жену-царицу! –
Бросил гостю он лисицу
Прямо на руки:
– Владей!
Эй, хозяйка, брось браниться –
Стременную нам налей!

3. Домна

Печалится Домна: о Боже!
Сноха её, Таня, пригожа,
И страсть в её чёрных очах.
Ревнивое сердце у Домны:
Сын Павел – смиренный и томный –
Сгорает в любовных ночах.

У Домны – большие палаты,
На шалях – цветы-петухи,
А дочки её, хоть богаты,
Но видом своим змееваты –
Таких не хотят женихи.

Обидно казачке ревнивой.
Кричит она в злости спесивой,
На Таню стучит каблуком.
Зачем красота ей такая?
Ведь с детства батрачка босая
По снегу ходила пешком.
Ишь, Павел невестке постылой
Всё шепчет, зовёт её «милой»,
Приносит ей с маком калач,
Ослушник и Домнин палач.

Уж как пронимала слезою,
Потом бушевала грозою,
Бранилась, пугая людей,
Потом говорила по душам,
Да Павел её не послушал –
Женился на Тане своей...

4. Таня

Конца не видно битве вечной,
Ведь Таня тоже хороша –
Была строптивой, поперечной,
Гордыней смертною греша.
Когда к ней Павел с покаяньем
Спешил, нашкодив где-нибудь,
Она сидела изваяньем –
И лишь волной ходила грудь.
Осенним холодом дышала,
Но гневным взглядом жгла дотла.
По-царски голову держала,
Прямая, как в степи скала!

Сказать по правде, дед наш Павел
Себя на весь Баян прославил
Не только службой казака,
А и в хмельных пирушках тоже,
Хоть вспоминать о том негоже –
Не забывается пока...
Ещё к одной вдове задорной
Тайком ходил он ночью чёрной,

Орехи ей носил в горсти.
Как нашей бабушке простить?

Красива Таня, черноока –
С кровьями гордого Востока,
Дай ей кинжал – тотчас убьёт,
И кровью смоеся измена!
Когда бы избежала плена
Её праmaterь в скорбный год,
Другой любила бы народ!
Теперь – живёт среди казачек:
По-русски молится и плачет,
И любит Павла-казака.
Что вспоминать? Прошли века...
И лишь во сне порой бывает –
Дым сакли губы обвеваает.
Огонь лезгинки. Шумный пир.
Вершины гор. Орёл парящий.
И Терек, между скал кипящий –
Сияющий, прекрасный мир!

*У невольницы – сын-дитёнок:
Среди белых птиц – воронёнок,
Средь домашних – дикий зверок,
Всё-то смотрит на свой Восток!
Вокруг дома стоят заплоты –
Не ходи за мои ворота,
Здесь порог твой и здесь твой Бог!
Что ж ты смотришь на свой Восток?..*

* * *

Устанет Павел быть в опале –
Он дарит Тане своей шали
И чай – чаёвница она,
Его суровая жена.
И вот простит!
На сеновале
Уже и смех, и не до сна,
Уже горят румянцем щёки,
Лик хорошеет на глазах,
Уже, уже подходят сроки –
Младенец новый на руках!
Шестой или седьмой по счёту,
И народит она ещё:
Любовь блюла свою работу,
Любовь цвела – какой тут счёт?

5. Дедовский уклад

В гнезде старинном, в дедовском укладе
Любить привыкли, мучая, губя.
Там шла война на каждой малой пяди,
Там каждый гнул другого под себя,
Там никогда не пахло тишиною,
А только бунтом, бешеной рекой!
...Две белых птицы кружат надо мною –
Прабабушка моя и прадед мой.

Прабабка Домна, ликом некрасива,
Была к тому ж криклива и гневлива.
Невестка ей, как для чистотки вошь.
Андрей в отлучке – тут же выпрягалась,
Со всеми важной барыней держалась,
Людей вокруг не ставила ни в грош!

Андрей вернётся – вся полна еляя.
Любила и боялась лишь Андрея:
Насмешник, да такой – бросает в дрожь!
Могла бы Домна быть и атаманом,
Но при Андрее – прямо тишь да гладь,
А чуть за дверь – бушует ураганом,
И никому тогда несдобровать.

Её слова грохочут, словно пушки.
Летят с крыльца сиротские подушки –
Наследство бесприданницы-снохи –
Летят до родника на огороде,
И при станичном, при честном народе
Сноха с детьми плетётся в лопухи.
С работниками в курене ночует,
А то и по родне своей кочует,
Но гонят все на Бутаковский двор:
Мол, вышла замуж – так терпи раздор!

Вот с ярмарки осенней возвратится
Семейство: сыновья и сам Андрей,
И запоют воротца звонкой птицей,
Тогда и встанет Домна у дверей,
И заворкует Домна голубицей,
И кликнет Таню в дом она опять,
Чтоб казаков с поклонами встречать...

Ах, Домна, Домна! Жизнь рекой промчится,
И приползёшь ты раненой волчицей

К снохе своей нелюбой умирать...
Остынет Домна на руках у Тани,
И гневный рот её навек завянет,
И руки, словно плети, упадут,
И станет ждать её Небесный суд.

В тот миг гроза обрушилась на горы,
Их сотрясая вспышками огня.
Они качались, будто бы опоры
Земли и неба, тьмы ночной и дня.
И говорили шёпотом в ауле:
«Беснуется старухина душа.
Землёй скорей бы плоть её закрыли –
Земля смиряет, холодом дыша...»

В станице же судачили иначе:
«Гля, не горюет Таня и не плачет,
Как будто праздник ей – и стыд, и страм!
Хотя б слезинку показала нам...»

И только на исходе жизни длинной –
Почти сто лет на свете прожила –
Простила Домну.
С горечью полынной
Её молитва поздняя была.

*Матерь Божья, молюсь в смиренье.
Знаешь все мои прегрешенья:
И гордыню мою, и месть.
Пред Тобою я вся как есть...
Покарай самой страшной карой
За соблазны моих страстей,
Но не трогай моих детей,
И спроси лишь с меня, со старой...*

6. Сибирский казак

Пришли одни из первых Бутаковы
В пределы эти средь Баянских гор.
Из Омска шли. У поселенцев новых
Размах казачий и орлиный взор.
Построили станицу в чистом поле,
На берегу озёрном, на юру,
И возвели здесь церковь, и на воле
Легко терпели стужу и жару.
В дозорах зорких сторожили дали.
Вот только в долгих песнях, при луне,

По Иртышу родному тосковали –
И до него летали на коне!

Иртыш в крови у нас – не отпускает,
Ведёт векам он стуком сердца счёт.
По Иртышу идёт на стругах стая,
И сам Ермак через Сибирь идёт!
Как оберег, как щит души казачьей,
На дне реки лежит его броня,
И встанет вновь на битву с тьмой варначьей
Казак сибирский – родом от огня,
От бури – родом!
Степи и аулы
Ему родня, и всюду отчий дом.
Монгольские, обветренные скулы
Вытачивали молнии и гром,
Его глаза от солнца стали узки,
От конских скачек выпрямился стан,
Но русский он – от стародавних русских,
От северных, былинных, вещих стран,
От тех поморов, что, весь век кочуя,
Извели скитальческих дорог:
Дошли до Волги на своих ушкунях,
И двинулись на юг и на восток,
И покорили многие народы,
И побратались с теми, кто был люб,
Прошли огни и гибельные воды,
И услышали звуки медных труб,
И страшные расстрелы красной власти.
Позор изгнания. Стыд со всех сторон.
Перетерпел казак лихие страсти,
Но устоял и не сломался он!

7. Казачий норов

Кипит Иртыш, захлестывая дали,
Смывая берег.
Ой да казаки!
Как жили в буйстве, так и умирали,
Перенимая норов у реки.
Сводили руки на груди им силой –
Был непокорен их последний вздох,
И бушевали после над могилой
Татарник дикий и чертополох.

Пластались птицы. Над своей добычей
Они кружили с лета до зимы,

А в половодье с бешенкою бычьей
Река летела дуром на холмы!

Гудит реки разбуженная глыба,
Ломая льды, корчюя березняк,
И слышу я, как вскрикивает рыба,
Воронками зажатая в кулак.

Ой, далеко Иртыш от гор Баянских!
Но его рокот слышен и сейчас,
Как шум начальных, древних, океанских,
Животворящих вод, родивших нас.

Давно уж нет прадедовского дома,
Где жили Бутаковы-старики:
Казак Андрей и с ним казачка Домна.
Горит звезда – и светятся пески,
И души предков светятся в потёмках.
Я вижу их, я чувствую их свет.
Перегорело прошлое в потомках –
И чист мой род, и пятнышка там нет!

2021

